

Бег. клуб - 1996 - 11 число - с. 7.

Василий Аксенов метеором ворвался в нашу литературу в былинные шестидесятые годы, явив собой пример того, как можно в одночасье проснуться знаменитым. Потом наступили "трезвые" 70-е, в течение которых Аксенов продолжал писать. Активно писал он и в агонизирующие 80-е. Пишет и сейчас, в 90-е, что абсолютно нетипично для поколения шестидесятников, которые либо поголовно занялись менторством, либо подвизаются свадебными генералами. Аксенов же упорно пишет, закаляя тело ежеутренними десятикилометровыми пробежками, а дух бескомпромиссной борьбой с сопротивлением чистого листа. Уникален и гражданский опыт писателя, который, попав на Запад, не стал приживальцем одного из тамошних литературных или эмигрантских фондов, а достойно зарабатывает свой хлеб в университете американской столицы. Мы встретились с Василием Павловичем в высотке на Котельнической набережной, куда он приезжает на время студенческих каникул дважды в году. И он, казалось бы, отгороженный от наших политических страстей океаном, тем не менее заговорил о политике.

ОЖОГ

— Я считаю, что огромное напряжение, которое накануне выборов существовало в обществе, вызвано колоссальной ошибкой демократов, не запретивших в свое время коммунистическую идеологию. Надо было поступить, как в Германии, где искоренили нацистскую идеологию. Ведь наша человеконенавистническая "теория" погубила столько людей, изуродовала несколько поколений. Но это, конечно, не означает, что нужно преследовать миллионы бывших членов партии. Они сами были жертвами этой идеологии. Просто их надо освободить от нее, чтобы они смогли почувствовать себя свободными гражданами.

— Значит, корни еще остались?

— Да, что-то еще, конечно, есть, ощущается. Если бы страну оставили в покое разные проходимцы — и политические, и криминальные — Россия стала бы быстро выкарабкиваться. И, конечно, надо подавлять в себе влечетанное с рождения недоверие к нашим братьям по христианской цивилизации, недоверие с Западом. Запад — это единственное направление, которое Россия в историческом смысле может себе позволить. Без этого она окажется в одиночестве.

— Много ли, на ваш взгляд, решалось на предстоящих выборах?

— Да практически все. Я был измучен этим агонизирующими ожиданием. Именно в эти дни я почувствовал сильную близость к России. И надеялся, что красные не пройдут, что у народа хватит рассудка не покончить жизнь самоубийством. Иначе был бы просто конец. Разумеется, это было, что называется, лебединая песня большевиков — без каламбура в адрес нового политического союзника. Они уже украли у России 70 лет двадцатого века.

— Как вы относитесь к новому политическому союзу Ельцина и Лебедя?

— Иногда мне импонирует этот генерал. Вначале, когда он пришел, мы как-то болтали с друзьями журналистами, и я сказал, что в Лебедеве соединился и Чайков, и Скалозуб. Ему надо очень сильно над собой работать, чтобы появился цельный образ человека, который может претендовать на руководство державой. У него, по-моему, есть эти способности, у него подвижный ум. Но он совершенно не знает мира. Когда Лебедев начал говорить о религиозных группах и упомянул мормонов вместе с "Аум сенгиро", то это выглядело очень странно. Ему надо поездить по миру, поговорить с разными людьми, увидеть, где как живут, чтобы понять, как здесь распределется geopolitika. Не дай Бог следовать идиотической геополитике Прокофьева, Кожинова или каких-то других псевдопатриотов. Он должен составить свое мнение о происходящих процессах. А дальше все зависит от него. Во всяком случае, если он действительно поможет Президенту удержать власть, то есть опять выручить всю страну, спасти ее — это будет здорово. Это будет колossalный кредит в его пользу.

ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ

— Не собираетесь ли вы вернуться Россию?

— Нет, я об этом даже не думаю. Да и что значит в современном мире место проживания, когда человек может свободно перемещаться из страны в страну. Я работаю и от этой работы отказываться не собираюсь. Человек должен жить там, где он работает. А когда выйду на пенсию, то посмотрю, где мне захочется жить. Сейчас же я этого не знаю. Но уверен, в любом случае часть своего времени по-прежнему буду проводить в России.

Когда долго находишься в другой стране (в моем случае — уже почти шестнадцать лет), то это неминуемо накладывает определенный психологический отпечаток, у тебя уже вырабатываются какие-то привычки места и стиля жизни. А к тому же некий космополитизм присутствует и в моем тексте... У меня в Москве есть квартира, и мы приезжаем и живем здесь как москвичи. Потом уезжаем, живем как винчестонцы. У меня нет каскадного патриотизма, чтобы рвать рубаху на груди и закричать: "Я русский русский! Полуеврей..." Кстати, у евреев тоже часто наблюдается несколько итересное ощущение родины. Будут деньги, будет здоровье, то я буду жить и там, и здесь.

— Сказывается ли длительное проживание в таком языковом культуре?

— Да, к сожалению, очень сказывается. Я сейчас пишу роман из американской жизни. Там главный герой русский, но все вокруг американское. Вначале я писал спонтанный черновик и старался как можно быстрее высказаться, не загоняя импульс в долгий ящик. И вдруг начал ловить себя на том, что меня тянет перейти на английский. И пожалуй, третья этого черновика написана по-английски. Особенно когда речь идет об американских персонажах. Сейчас я пишу второй вариант — известно, что роман надо писать не менее двух раз. Известно, что то, что мне не хватает русских слов, все они при мне, но есть некоторые понятия, которые трудно выражать по-русски. Дает себя знать тот культурный слой, который я приобрел за пятнадцать лет жизни в Америке.

— В русском языке появился новый слэнг. И это тоже, наверное, прошло мимо вас?

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ

Сейчас никто не хочет становиться гением

— Я выпустил книгу рассказов о посткоммунистической Москве, в которой использую новый язык. Я мне кажется, вполне уместно. Вначале, когда приехал впервые после девяти с половиной лет отсутствия, у меня была какая-то неволовость по отношению к новому сленгу, было неудобно его употреблять, потому что я чувствовал себя чужим. А сейчас, по мере того, как я каждый год приезжаю, это ощущение прошло.

Мне не очень удобно употреблять здесь английские. Или не очень грамотные обороты, которые вошли здесь в речь в последнее время. Причем эти новообразования захватили все слои населения, в том числе и культурные. Скажем, когда говорят "достаточно" в смысле "довольно": "К сожалению, были достаточно многочисленные жертвы!" Или выражение "столько много", оно сейчас звучит повсюду, даже на устах у высоколобых интеллектуалов. Очень много неправильных употреблений предлогов... Когда говорят, что русскому языку угрожает большая опасность, то я с этим согласен. Дальше говорят, что опасность исходит от английского языка. Это полная чушь. Мы сами жутко уродуем свой язык.

ПОИСКИ ЖАНРА

— Кто из писателей повлиял на ваше творчество в раннем периоде?

— Ну, начинать-то надо, наверное, с детства, поскольку там очень много закладывается. Лет в одиннадцать я прочел "Войну и мир". И с тех пор это моя самая любимая книга. И потом прошел через все необходимые для интеллигентного мальчика книги. А поскольку юность моего поколения прошла в полной изоляции от остального мира, то мы получали скучную информацию.

В то время даже Достоевский был изъят из библиотек. Поэтому мы смутно понимали, что в нашей культуре было что-то огромное.

Например, благодаря тому, что Маяковский был канонизирован, мы узнавали литературу его окружения — Серебряный век. Были клочки из до-военных публикаций западных писателей. Если вспомнить мой первый литературный опыт, то они совпадали с публикациями западных авторов 20—30 годов: Ремарк, Хемингуэй, Джон Дос Пасос, Фолкнер... А уж потом началось колоссальное увлечение Серебряным веком, который пришел позже западных писателей. Я тогда был очень вдохновлен, хотя был не первой молодости... Очень с большой теплотой вспоминаю Валентина Петровича Катаева. Это был настоящий писатель, несмотря на весь его конформизм. Он невероятно любил литературу, обладал прекрасным вкусом. Катаев, собственно говоря, и вытолкнул меня в литературу. И его слог, его проза повлияла на меня весьма сильно.

— Его ранние вещи или "Алмазный мой венец"?

— Ну в то время я уже был самостоятельный человеком. Но ведь до опубликования "Алмазный мой венец" существовал в устном варианте. И когда мы с ним общались, он своими рассказами создавал вокруг себя атмосферу тех давних лет. Катаев очень лыстыво, что молодые писатели стали к нему приходить... Помню, что Эренбург как-то сказал по этому поводу: "Интересный процесс происходит: вы, молодые, перепрыгиваете через отцов к дедам". То есть к осколкам Серебряного века над социалистическими башками.

— А способствовала ли как-нибудь ваша первая — медицинская — профессия писательству?

— Да, для писателя медицинское образование — это изрядная помощь. И уж наверняка это не вредит делу. Даже предлагают какие-то взгляды на человека и на человеческое общество, которые ты не можешь получить, не пройдя через это. Многие писатели проходили через медицину, а это о чем-то говорит.

Потом вдруг обнаружилась медицинская струя в трилогии "Московская сага", где главный герой оказался врачом. Самая важная тема, которая возникла к концу, является метафизическим отражением моего медицинского опыта — "боль и обезболивание". Мой герой рассуждает о том, что такое боль и что такое обезболивание.

— В отношении вас справедливо выражение: "Лег спать и проснулся знаменитым". Почему, на ваш взгляд, эта формула успеха не действует в писательской среде сейчас?

— В каком-то смысле нашему поколению повезло. Мы прорвались в маленький коридорчик свежего воздуха. После ХХ съезда и до 63-го года. Потому что в 63-м году они снова стали закрывать гайды. Тогда было, конечно, гораздо легче заявить о себе, потому что народ уже до того стосковался по любому свежему слову, что набрасывался на него очень жадно. Воздух был таким, что народ валил валом на поэтические встречи, ища ответов, часто находя их или воображая их себе. Это было настроение авангарда. Ведь авангард невозможен без массового подъема, массового вдохновения. Молодежное движение 10-х годов было массовым движением авангарда. На этом фоне возникли великие поэты. И в 60-х годах тоже был такой подъем. Благодаря ему мы все и появились. Потом началось похмелье, и власть начала все закручивать. Новая молодежь уже уходила в боромтуху. И вовсе не от того, что они были менее талантливы, но уже климат был не тот, уже иссякло это массовое вдохновение. Поэтому признание у последующих задержалось. Да оно уже не требовалось, поскольку оно не витало в воздухе. А сейчас странная ситуация. Казалось бы, должна возникнуть вдохновение. Но его нет — пока что. Оно, конечно, возникнет, но пока развал этого дермы порождает такие миазмы, что это ничего не очистилось. Пока еще существует не вдохновение, а выдохновение.

— А вы не связываете это с захлестнувшими страну мощным потоком масскультуры?

— Есть и это. Но это есть и в Америке. Я помню, как там один критик писал с горечью:

"Никто не хочет становиться гением!" А это тоже, кстати говоря, проявление массового выдохновения. Я помню, что, когда мы встречались в 60-е годы, самая любимая фраза была: "Ты гений, старик!" Сейчас этого никто не говорит, даже в ироническом смысле. И этот американский критик совершенно справедливо утверждает, что все эти мальчики 20-х годов, так называемое потерянное поколение, на самом деле не были потерянными. Это были люди массового вдохновения, они жаждали быть первыми. Хемингуэй хотел быть первым писателем! И Фитцджеральд тоже хотел быть первым! И Джойс тоже. Все они хотели быть самыми первыми. И они стали таковыми. В американской литературе сейчас много мастеровых людей с высокой эрудицией, колоссальные интеллектуалы, знатоки всяческих конструкций и гипертекстов. Но стремления к цели, я бы сказал, байронического характера еще не возникло. А без этого невозможно создание великой литературы.

— Вы считаете эту ситуацию общемировой?

— Я не знаю, чего ждать от Китая. С одной стороны, там колоссальная тоталитарная жаба, а с другой — там молодежь сейчас бурлит. Какие чудные лица были на плоскости Тяньаньмэнь перед тем, как их уничтожили. Там может быть колоссальный взлет. А Америка shafta десятилетиями застывала в материальной культуре. Вдруг — всплеск колоссального духовного движения, пусть сумбурного, смешного, глупого, но тем не менее колоссального. И возник рок-н-ролл. А это огромная культура. Так что и у нас здесь что-то возможно. Но нам надо наесться сначала. А когда это все отойдет на второй план и уже не надо будет сильно вертеться по поводу быта, тогда в России неизбежно возникнет массовое вдохновение. Россия не может быть пустым полем.

— Вы считаете эту ситуацию общемировой?

— Я не знаю, чего ждать от Китая. С одной стороны, там колоссальная тоталитарная жаба, а с другой — там молодежь сейчас бурлит. Какие чудные лица были на плоскости Тяньаньмэнь перед тем, как их уничтожили. Там может быть колоссальный взлет. А Америка shafta десятилетиями застывала в материальной культуре. Вдруг — всплеск колоссального духовного движения, пусть сумбурного, смешного, глупого, но тем не менее колоссального. И возник рок-н-ролл. А это огромная культура. Так что и у нас здесь что-то возможно. Но нам надо наесться сначала. А когда это все отойдет на второй план и уже не надо будет сильно вертеться по поводу быта, тогда в России неизбежно возникнет массовое вдохновение. Россия не может быть пустым полем.

— Вы считаете эту ситуацию общемировой?

— Я не знаю, чего ждать от Китая. С одной стороны, там колоссальная тоталитарная жаба, а с другой — там молодежь сейчас бурлит. Какие чудные лица были на плоскости Тяньаньмэнь перед тем, как их уничтожили. Там может быть колоссальный взлет. А Америка shafta десятилетиями застывала в материальной культуре. Вдруг — всплеск колоссального духовного движения, пусть сумбурного, смешного, глупого, но тем не менее колоссального. И возник рок-н-ролл. А это огромная культура. Так что и у нас здесь что-то возможно. Но нам надо наесться сначала. А когда это все отойдет на второй план и уже не надо будет сильно вертеться по поводу быта, тогда в России неизбежно возникнет массовое вдохновение. Россия не может быть пустым полем.

— Вы считаете эту ситуацию общемировой?

— Я не знаю, чего ждать от Китая. С одной стороны, там колоссальная тоталитарная жаба, а с другой — там молодежь сейчас бурлит. Какие чудные лица были на плоскости Тяньаньмэнь перед тем, как их уничтожили. Там может быть колоссальный взлет. А Америка shafta десятилетиями застывала в материальной культуре. Вдруг — всплеск колоссального духовного движения, пусть сумбурного, смешного, глупого, но тем не менее колоссального. И возник рок-н-ролл. А это огромная культура. Так что и у нас здесь что-то возможно. Но нам надо наесться сначала. А когда это все отойдет на второй план и уже не надо будет сильно вертеться по поводу быта, тогда в России неизбежно возникнет массовое вдохновение. Россия не может быть пустым полем.

— Вы считаете эту ситуацию общемировой?

— Я не знаю, чего ждать от Китая. С одной стороны, там колоссальная тоталитарная жаба, а с другой — там молодежь сейчас бурлит. Какие чудные лица были на плоскости Тяньаньмэнь перед тем, как их уничтожили. Там может быть колоссальный взлет. А Америка shafta десятилетиями застывала в материальной культуре. Вдруг — всплеск колоссального духовного движения, пусть сумбурного, смешного, глупого, но тем не менее колоссального. И возник рок-н-ролл. А это огромная культура. Так что и у нас здесь что-то возможно. Но нам надо наесться сначала. А когда это все отойдет на второй план и уже не надо будет сильно вертеться по поводу быта, тогда в России неизбежно возникнет массовое вдохновение. Россия не может быть пустым полем.

— Вы считаете эту ситуацию общемировой?

— Я не знаю, чего ждать от Китая. С одной стороны, там колоссальная тоталитарная жаба, а с другой — там молодежь сейчас бурлит. Какие чудные лица были на плоскости Тяньаньмэнь перед тем, как их уничтожили. Там может быть колоссальный взлет. А Америка shafta десятилетиями застывала в материальной культуре. Вдруг — всплеск колоссального духовного движения, пусть сумбурного, смешного, глупого, но тем не менее колоссального. И возник рок-н-ролл. А это огромная культура. Так что и у нас здесь что-то возможно. Но нам надо наесться сначала. А когда это все отойдет на второй план и уже не надо будет сильно вертеться по поводу быта, тогда в России неизбежно возникнет массовое вдохновение. Россия не может быть пустым полем.

— Вы считаете эту ситуацию общемировой?

— Я не знаю, чего ждать от Китая. С одной стороны, там колоссальная тоталитарная жаба, а с другой — там молодежь сейчас бурлит. Какие чудные лица были на плоскости Тяньаньмэнь перед тем, как их уничтожили. Там может быть колоссальный взлет. А Америка shafta десятилетиями застывала в материальной культуре. Вдруг — всплеск колоссального духовного движения, пусть сумбурного, смешного, глупого, но тем не менее колоссального. И возник рок-н-ролл. А это огромная культура. Так что и у нас здесь что-то возможно. Но нам надо наесться сначала. А когда это все отойдет на второй план и уже не надо будет сильно вертеться по поводу быта, тогда в России неизбежно возникнет массовое вдохновение. Россия не может быть пустым полем.

— Вы считаете эту ситуацию общемировой?

— Я не знаю, чего ждать от Китая. С одной стороны, там колоссальная тоталитарная жаба, а с другой — там молодежь сейчас бурлит. Какие чудные лица были на плоскости Тяньаньмэнь перед тем, как их уничтожили. Там может быть колоссальный взлет. А Америка shafta десятилетиями застывала в материальной культуре. Вдруг — всплеск колоссального духов